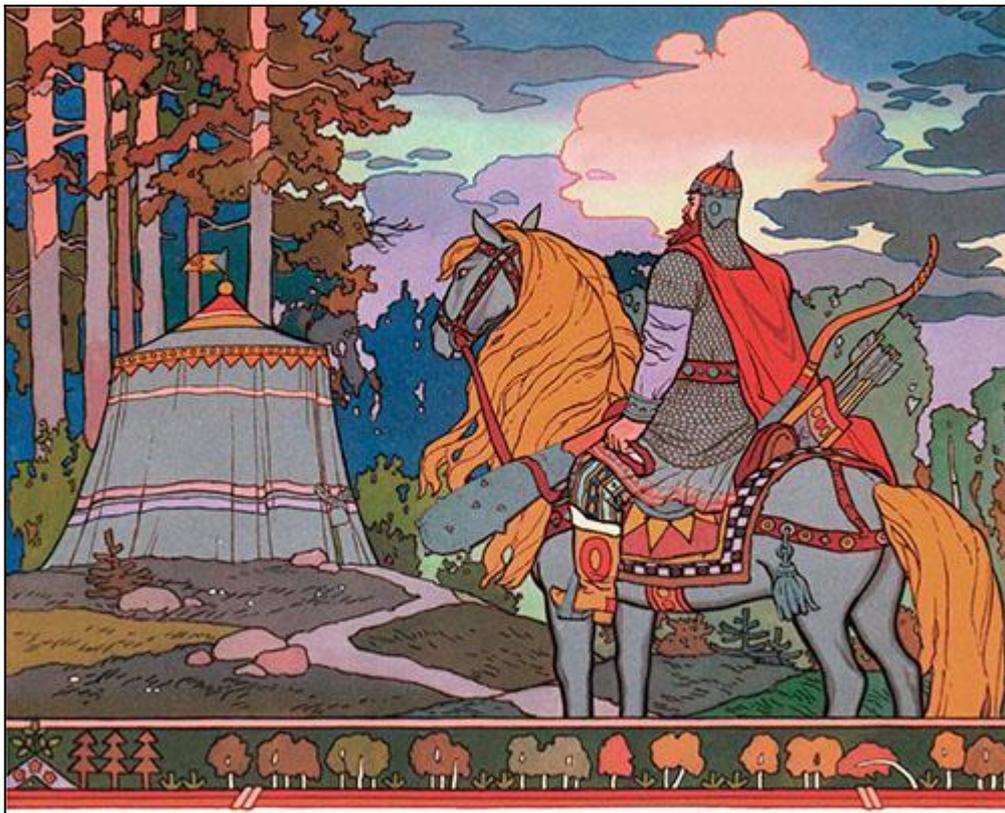

Как молодой Добрынюшка Никитинец,
Он ходил-гулял по чисту полю,
Приезжал Добрынюшка к сыру дубу.
Как сидит-то ведь тут на сыром дубу,
Сидит-то еще сидит черный вран.

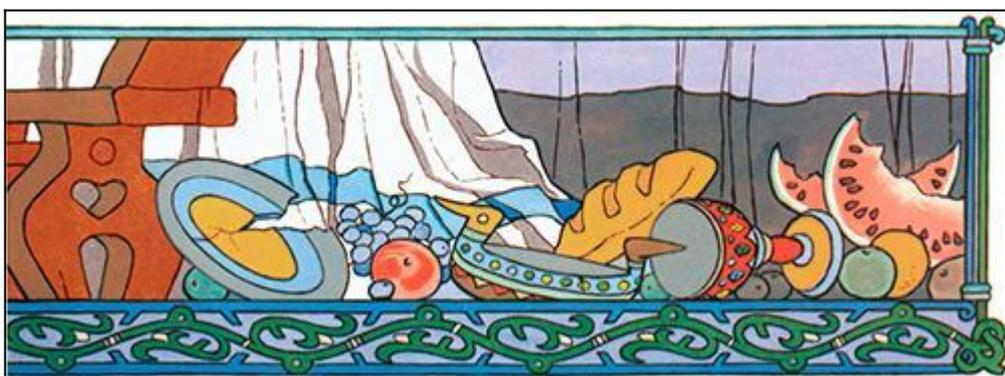

Как тут этот Добрынюшка Никитинец
 Натягивал скоро свой он тугой лук
 А клал стрелочку каленую,
 А хочет он стрелить тут чёрна ворона.
 Ворон тут ему спроязычился
 А тем-этим языком человеческим:
 — Да ай же ты, Добрынюшка Никитинец!
 А не убей меня, черна ворона,
 Я тебе скажу, всё поросскажу.
 Как в Киеве ребята есть говорят:
 Старца-то убить есть не спасение,
 Как ворона-то стрелить — не корысть буде получить:
 Сизым перьем ворониным не натешиться,
 Мясом те моим не наестися!
 Как у того было да у ворона
 Под конец-то крылья были белые.
 Как говорит-то ворон таково слово:
 — Ай же ты Добрынюшка Никитинец!
 А я тебе скажу, все порасскажу.
 Поезжай ты на гору на высокую
 А на тое на шéломя на искатное,
 А там-то есть три чудушка три чудных,
 Там-то есть три дивушка три дивных:
 Как первое там чудо белым-бело,
 А другое-то чудо красным-красно,
 А третье-то чудо черным-черно.
 Как тут этот Добрынюшка Никитинец
 Как скоро молодец сам пораздумался,
 Говорит тут ворону: — Это правда есть;
 А старца ведь убить буде не спасение,
 Ворона стрелить — не корысть будет получить:
 А сизым вороненым перьем мне-ка не натешиться,
 Мясом мне его не наестися.
 Как отпускал Добрынюшка свой тугой лук,
 А вынимал он стрелочку каленую,
 Сам-то он еще тут пораздумался:
 «А лучше я поеду что на гору на высокую,
 На тое шеломя я на искатное,
 Глядеть-то там три чуда я три чудных,
 Глядеть-то я три дивушка три дивных».
 Как скоро он приправлял добра коня,
 Тут скорым-скоро, скоро да скорёшенько
 Ехал он на гору на высокую
 А на тое-то на шеломя на искатное.

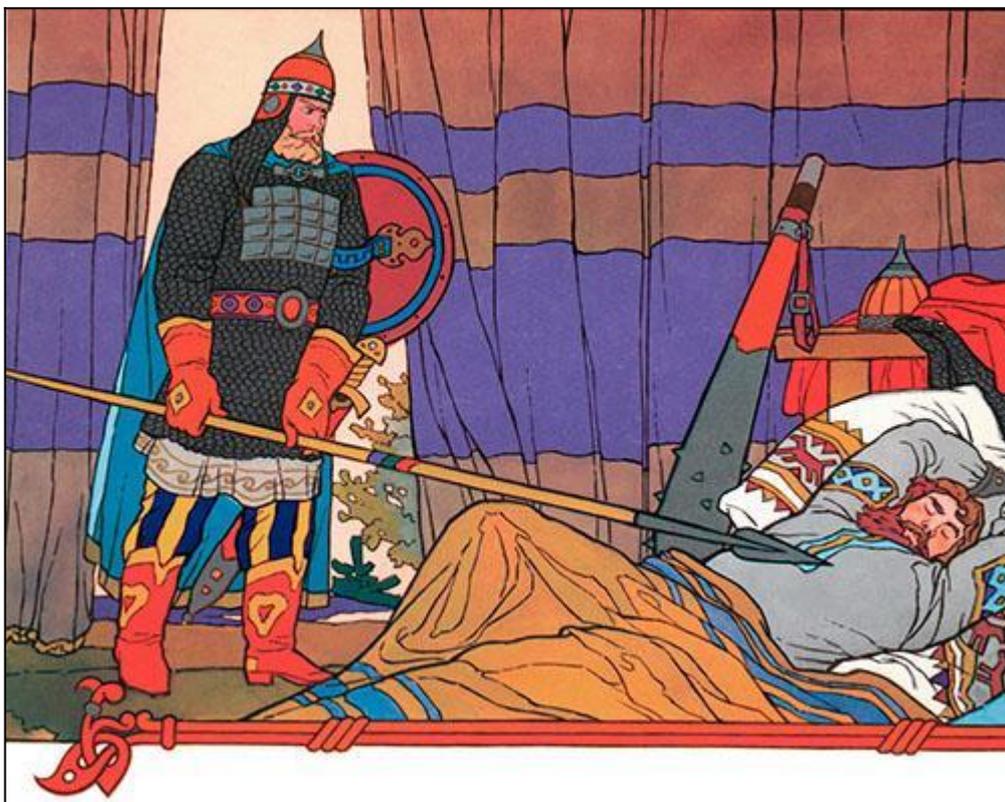

Как смотрит тут Добрынюшка Никитинец:
Как стоит тут шатёр белополóтняный,
Как у шатра замок был булатный,
На замке тут подпись подписана:
«Кто во шатёр еще сюда зайдёт,
Тот из шатра жив да не уйдёт».
Как разгорелось его сердце богатырское,
Ударил кулаком по замку-то он,
Отпал замок ведь тут на сыру землю,
Смотрит тут Добрынюшка Никитинец,
А там в шатре столы были расставлены,
Там в шатре да яства разложены.

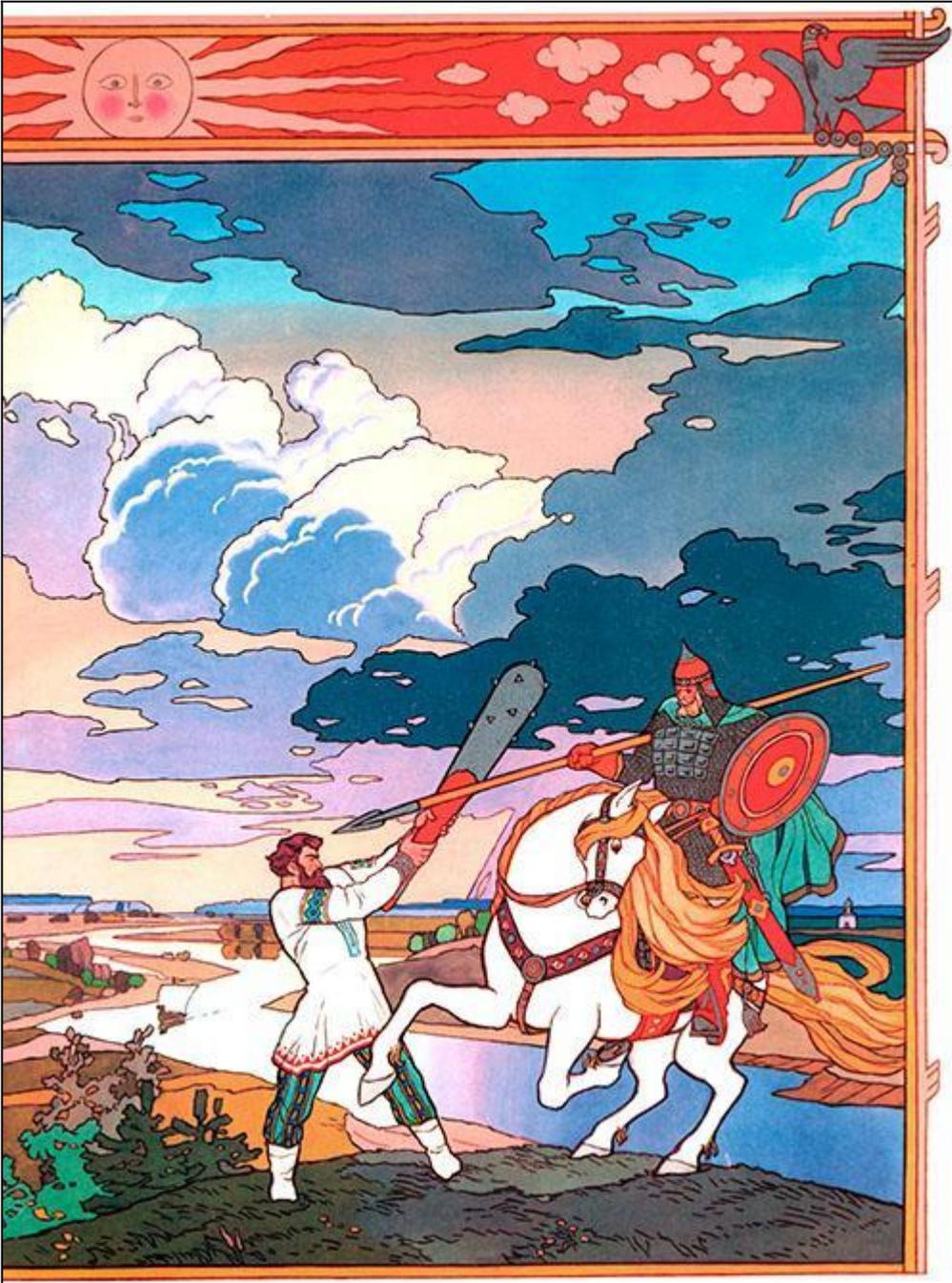
Как он-то, тот Добрынюшка Никитинец,
Не столько молодец да ведь ел-то, пил,

А сколько молодец он тут наземь срыл,
А пролил молодец, во ногах стоптал.
А сам молодец он да спать-то лёг.
А спит он молодец, прохлаждается,
А над собой невзгодушки не ведает.
Из далеча тут ведь, из чиста поля
А приезжает Алеша сын Попович был,
А смотрит тут Алешенька на чудо-то:
Не столько ведь да выпито да съедено,
Сколько пролито да скрыто, в ногах притоптано.
А тут-то ведь Алеша разретивился
А разгорелось его сердце богатырское.
Занес-то он остро копьё острым концом,
Хочет он ударить Добрынюшку в белу грудь.

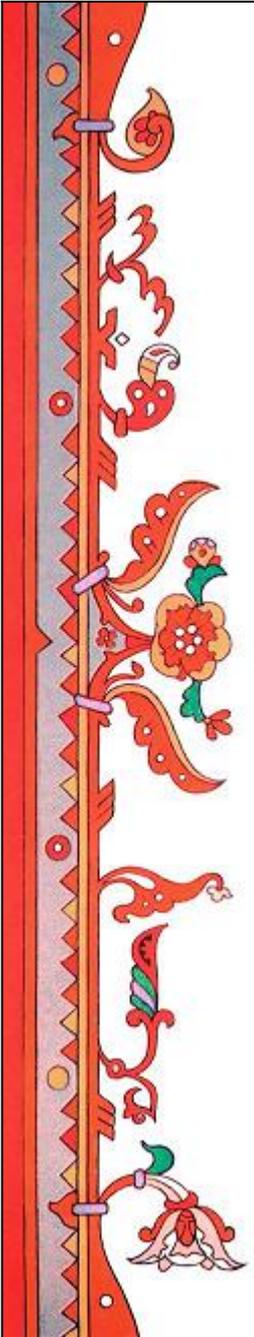
Затем-то, он Алешенька, раздумался:
«Не честь-то мне, хвала да молодецкая,
А бить-то мне-ка сонного, что мёртвого!
А лучше сяду на добра коня Добрынина.
А буду биться, стану я драться-ратиться
Со тым с Добрынюшкой с Никитичем».
Садился тут Алеша на добра коня,
А на того добра коня Добрынина
Как ударил он Добрынюшку тупым концом,
Тупым концом ударил да остра вопья.
Ото сна богатырь пробуждается,

На улицу тут скоро пометается.
Выскакал он в тонких белых чулочках без чоботов,
А в тонкой белой рубашке без пояса.
Да тут Добрынюшка Никитинец,
А ухватил он свою палицу еще богатырскую,
Как начали тут драться они, ратиться.
Добрынюшка поскакиват пехотою,
Алешенька ездит на добром коне,
А на том на добром коне Добрынином.

Как день бьются они тут не едаючи,
Ночь бьются они да не пиваючи.

Как другой день бьются они и другую ночь,
Отдыха-то ведь тут им не дается.
А третий день бьются и третью ночь,
От них пошел-то тут еще стук да гром,
А стала мать земелюшка продрагивать. Как этот стук да гром услышал-то ведь
А старый казак тут Илья Муромец,
Как сидит Ильюшенка, сам думает:
«А и это есть русские богатыри. Где-нибудь дерутся они, ратятся!»
Как скоро тут Ильюшенка седлал добра коня,
Кладывал он подпруги на подпруги,
А клал потнички на потнички
Клал войлочки на войлочки
А клал седёлко на седёлышко,
Черкаское седёлко наверх еще,
Да эти подтяжечки шелковые,

Кладывает, сам выговариват:

— А не для-то мне, братцы, красы-басы,

А не для-то ведь было для угожества,

Для укрепы мне богатырской-то.

Как видели что ведь молодца да сядучи,

Не видели тут удалого поедучи,

Не знают, во кою сторону уехал он. Как ехал тут Ильюша на круту гору,

На тое-то шéломя искатное,

Да тут дерутся два русскиих богáтыря,

Молодой Добрынюшка Никитинец

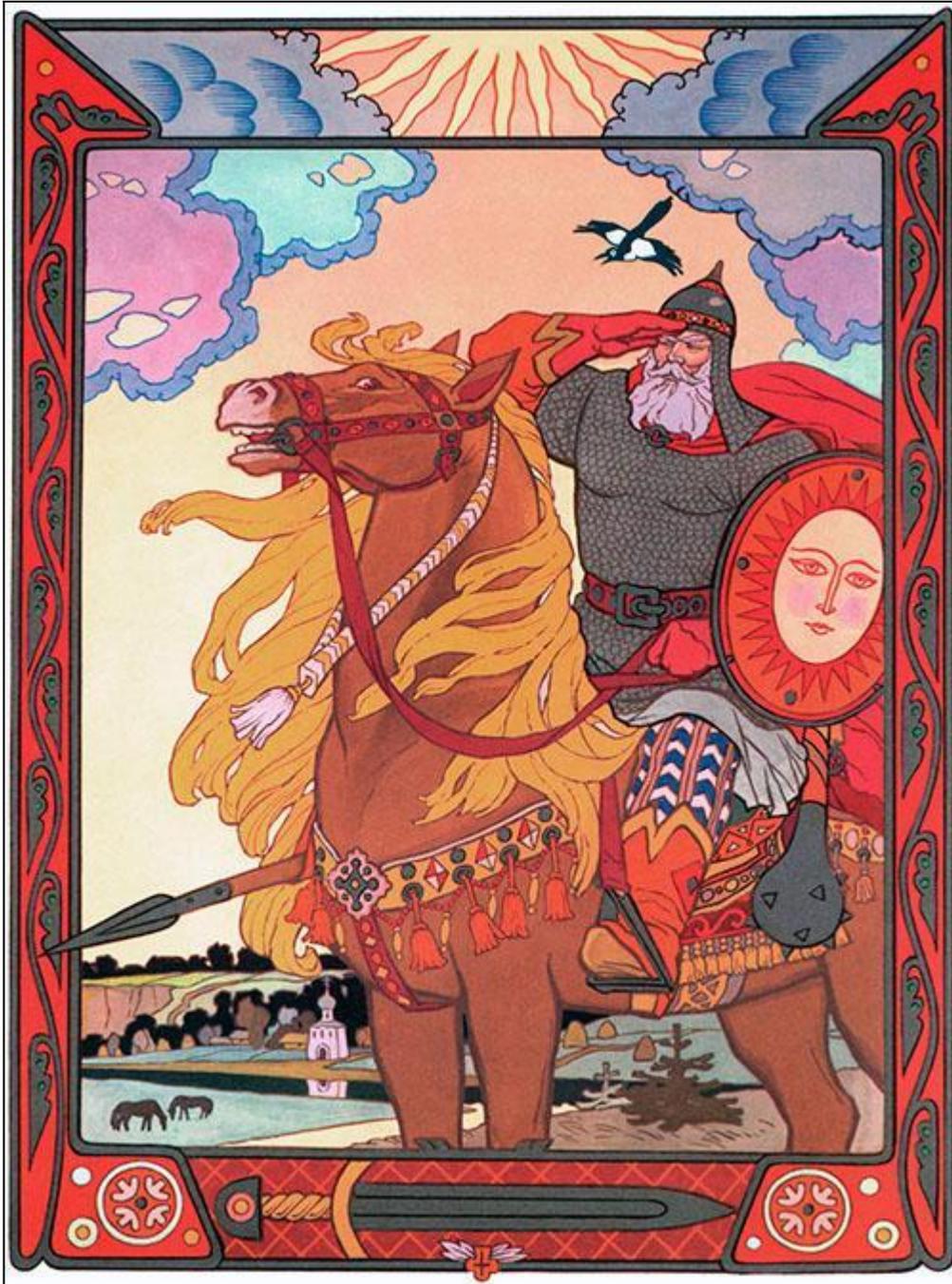
А смелый Алешенька Попович-то. Как захватил Ильюшенка Добрыню во праву руку,

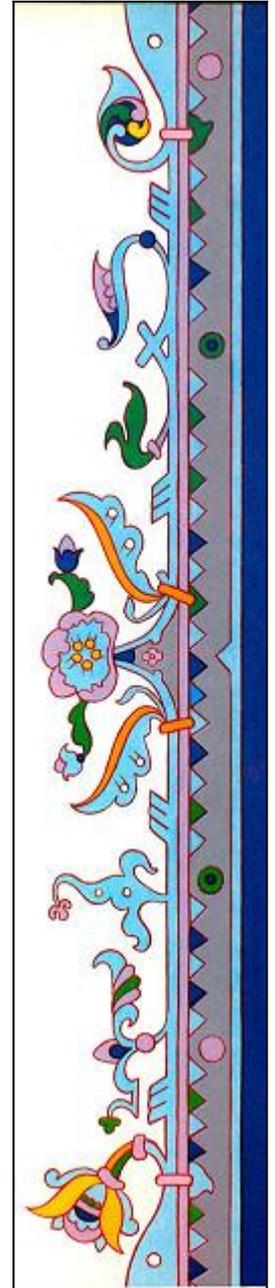
Алешу захватил сам во левую,

А закричал Ильюша во всю голову:

— Ай же вы, руссийские могучие богатыри!

А вы зачем деретесь да ратитесь?

Как говорит Алеша таковы слова:

— Ах ты, старый казак Илья Муромец!

Да как-то мне не драться, не ратиться?

Как у меня в шатре были столы расставлены, У меня-то яства все разложены,

Как этот-то Добрынюшка Никитинец,

Не столько он Добрынюшка да съел, выпил,

А сколько он тут пролил да наземь срыл,

Наземь срыл Добрыня, во ногах стоптал,

А мне-ка молодцу того-то жаль.

Говорит Ильюша таковы слова:

— Спасибо ти, Алеша, за своё стоишь.

Говорит Добрынюшке Никитичу:

— Да ах же ты, Добрынюшка Никитинец,

Крестовый брат ты мой, да названный!

А ты зачем дерешься да ратишься?

— Ах ты, брат мой крестовый, названный,

А старый казак ты Илья Муромец!
Как же мне не драться да не ратиться?
Как у его, у пса, у разбойника,
Фальшивая да надпись написана:
«Как кто в шатёр сюда еще зайдет,
Тот из шатра да жив тут не уйдет»;
А я хочу-то жив да повыйти есть.
— Спасибо ти, Добрыня, на чужом дому смело поступаешь.
А ино ведь-то тут еще Ильюша воспроговорит:
— А укротите вы да сердце богатырское,
А назовитесь вы да братьями крестовыми,
А лучше вы крестами побратайтесь.
А он их улестил тут, угворил,
Да тут они не стали больше биться-ратиться,
Укротили сердце богатырское.
Как тут они крестами побратались,
Назвалися братьями крестовыми:
Добрынюшка назвался да бóльшой брат,
Алёшенька назвался меньшóй ему,
Как тут разошлись, поразъехались.

Как тут-то на стольный-от город как на Киев-град
Наезжали тут поганые ворги,
Одолели, что ль, поганые татарева.
На ту пору было, на то времечко

Богатырей там дома не случилось,
Случилось только два русских два богатыря:
А молодой Добрынюшка Никитинец,
Смелый-то Алешенька Попович был.
Как говорит Добрыня таковы слова:
— Ах же ты, Алешка сын Попович был! Седлай-ко ты своего добра коня,
Поедем мы с тобой во чисто поле,
А станем бить поганных татаровей!
Как скоро тут Добрынюшка седлал добрых коней,
Кладывал он подпруги на подпруги,
А потнички Добрынюшка на потнички,
Войлочки что еще на войлочки,
Седельшка еще на седельшка,
Черкасское седёлко наверх еще,
Да эти подтяжечки шелковые,
А клáдывает, сам он выговариват:
— Не для то мне, братцы, красы-басы,
А не для-то ведь было для угожества,
Для укрепы мне богатырской-то.
Поезжат Добрыня, сам наказыват:
— Ах же ты, моя молода жена,
Да нунь ты, Настасья Микулична! Уеду я ведь нунь во чисто поле,
А бить там я поганных татаровей.
Как пройдет поры-времечка три года,
А жив-то я сюда не появляюсь еще,
Да тогда ты ведь хоть вдовой живи,
А хоть ли ты тут замуж поди,
Только ты не ходи-ка за Алешенку Поповича.
А Алеша мне крестовый брат!
Как видели молодца сядучи,
Не видели удалого поедучи.
Как тут этот Добрынюшка Никитинец
А с тем, с этим Алешенькой Поповичем
Ехали они тут во чисто поле.

Приправливал Добрынюшка добра коня,
Заехал в эту силушку в серёдочку,
Как начал бить ту силу татарскую.
Алешенька стоит там на чистом поле,
Как смотрит-то он на брата на крестового,
Как бьётся там Добрынюшка Никитинец.

Прибил-то тот Добрынюшка Никитинец
Как эту он силу всю в три часа.
Как смотрит он брата крестового,
А того Алешеньку Поповича,
А смотрит он, глядит, думу думает:
«А видно, нет жива да брата-то крестового,
А смелого Алешеньки Поповича».
Как ино ведь тут сам Добрынюшка раздумался:
«А видно, есть путь-дорога хорошая».
Как тут-то поехал что за славно за сине море,

Корить-то там языки всё неверные
 А прибавлять земельки свято-русские
 А Алешенька убит не был.
 Прошло тут поры-времечка три года.
 Как тут этот Алешенька Попович сын
 Приходит к Настасье Микуличной:
 — Да ах ты, Настасья Микулична!
 Да я вчера гулял на чистом поле,
 А видел я Добрынюшку убитого.
 Лежит-то он головушкой в ракивов куст,
 А резвыми ногами да во ковыль-траву.
 Поди ты, Настасья, за меня замуж!
 Как говорит-промолвит таковы слова
 А та Настасья Микулична:
 — Ай же ты, Алешенька Попович сын!
 Исполнила я заповедь мужнюю,
 Прошло нунь поры-времечка три года;
 Исполню я-то заповедь свою еще.
 А пусть-ко станет поры-времечка шесть
 годов.
 Тожно тут я ведь замуж пойду.
 Опять прошло тут времечка три году.
 Как начал тут Алешенька подхаживать
 А со тем со князем со Владимиром:
 — Да ах ты, Настасья Микулична!
 А я вчера гулял на чистом поле,
 А видел — у Добрынюшки косточки
 растасканы!
 Как и тут та Настасья Микулична,
 Тут она еще пораздумалась:
 «Исполнила я заповедь мужнюю,
 Прошло нунь поры-времечка три года;
 Исполнила я заповедь свою еще.
 А нет жива Добрынюшки Никитича,
 А не видать сюда его, не появится!»
 Пошла тут за Алешеньку Поповича.

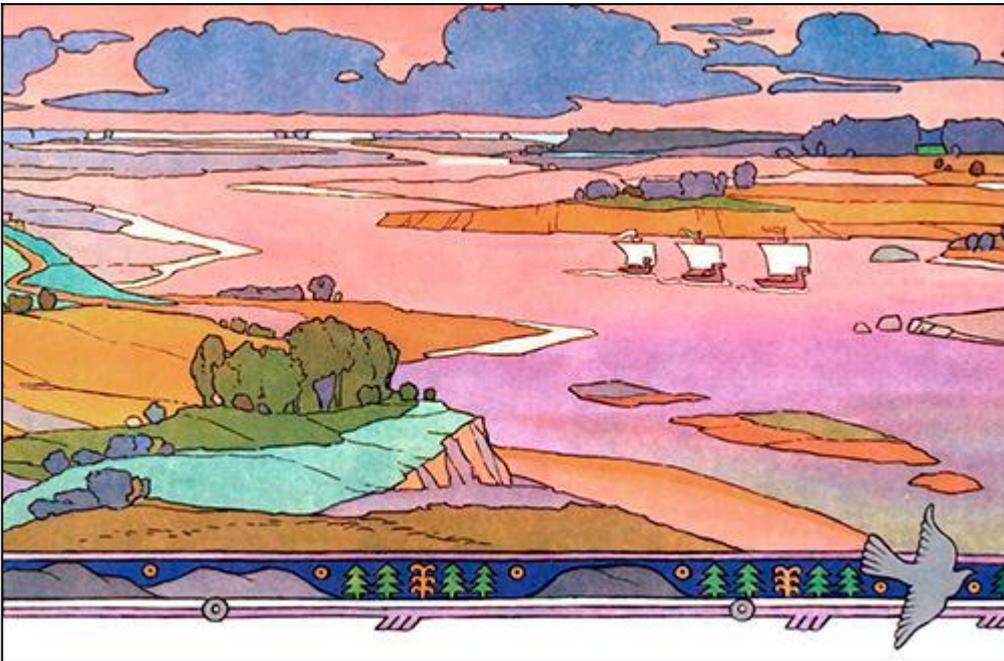
А как там Добрынюшка Никитинец
 За тем за славным за синим морем, —
 А там он-то Добрыня, на чистом поле,
 На чистом поле Добрынюшка, в белом шатре,
 А сам он молодец забавляется,
 Играет он в доски-то шахматны,
 А в дороги тавлеи золочёные,
 А надо собой невзгодушки не ведает,
 Как тут-то ведь его молода жена,
 А та Настасья Микулична,
 Как тут она да замуж пошла,
 А за того Алешеньку Поповича.
 Как налетал тут голубь со голубкою
 А ко тому к Добрынюшке к Никитичу,

Садилась на шатёр на окошечко,
 Начал голубь по окошечку похаживать,
 А начал он тут, голубь, погуркивать,
 Начал он затем выговаривать,
 А звёщевал языком человеческим:
 — Ах же ты, Добрынюшка Никитиниц!
 Играешь ты в доски во шахматы,
 В дороги тавлеи золочёные,
 Играешь, сам молодёц ты, прохлаждаешься,
 А над собой незгодушки не ведаешь,
 А я тебе звещую провещую есть
 Как есть-то ведь твоя молодá жена.
 Молодá жена, любима семья, Как есть-то ведь уж нунечу замуж пошла
 За того Алешку за Поповича.
 Вскочил тут Добрыня на резвые ноги,
 Со той со досады со великой-то,
 Как бросил эту доску он шахматную
 О ту о матушку о сыру землю,
 Мать-то что земелюшка дрогнула.
 А выходил тут Добрыня со бела шатра,
 А сам скорó седлал он добра коня,
 Седлал-то он коня и выговаривал:
 — Ай же ты, мой ведь уж добрый конь!
 Как нёс меня сюда да ты три года,
 Неси-ка нунь домой меня в три-то дня
 Во стóльный-то как город во Киев-град.

Садился сам скоро на добра коня,
 Скорым-скоро, скоро скорешенько,

Поехал тут Добрыня из-за синя моря,
Пошел тут, поскакал его доброй конь,
Реки, те озёра перескакивал,
А темный он тот лес промеж ног пускал,
А синее-то море на окол бежал.

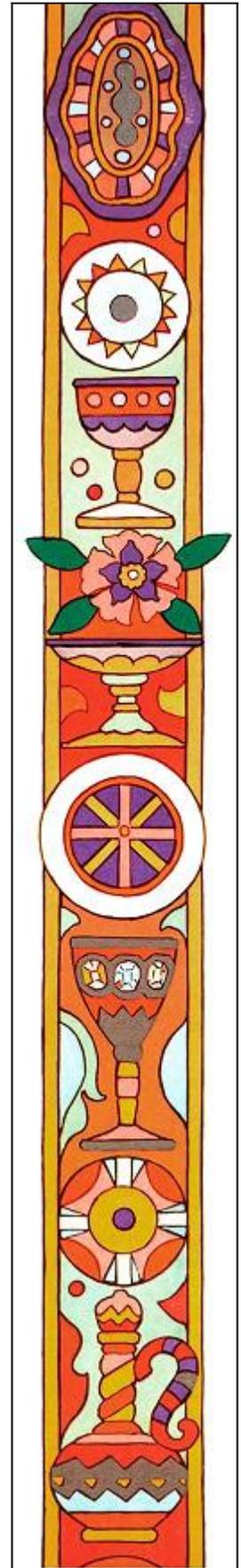

Пришел-то, прискакал его добрый конь во три-то дни
Во стольный-то во город во Киев-град.

А что ты над старушкой надсмеаешься?
Как говорит Добрыня таково слово:
— Видно, матушка, ты меня не узнала есть.
Она опять на то ему ответ держит:
— Ах же ты, удалый добрый молодец!
Как у моего милого у дитятка,
Как у того Добрынюшки Никитича,
На нем были платъица все цветные,
А нунь-ка на тебе все платъица лосиные,
А лосиные платъица всё звериные,
— Да ай же ты, моя родна матушка!
Как видно ты меня не узнала есть.
Говорит старушка таково слово:
— Ах же ты, удалый добрый молодец!
Подойди к старушке поблизёшенько,
А у моего милого у дитятка
Была-то ведь знáдебка родимая,
А был-то на головке рúбчек-то ведь.
Как он скоро Добрынюшка подхаживал
А ко той старушке да ко древней-то,
Как тут этá старушка да пощупала,
Ажно было тут да до правды-то,
А есть там, была знáдебка родимая.
Как тут она старушка взрадовáлася,
Сама она с сынком тут поздоровалась.
Как говорит Добрыня таково слово:
— Да ай же ты, моя родна матушка!
А где-то есть моя молодá жена,

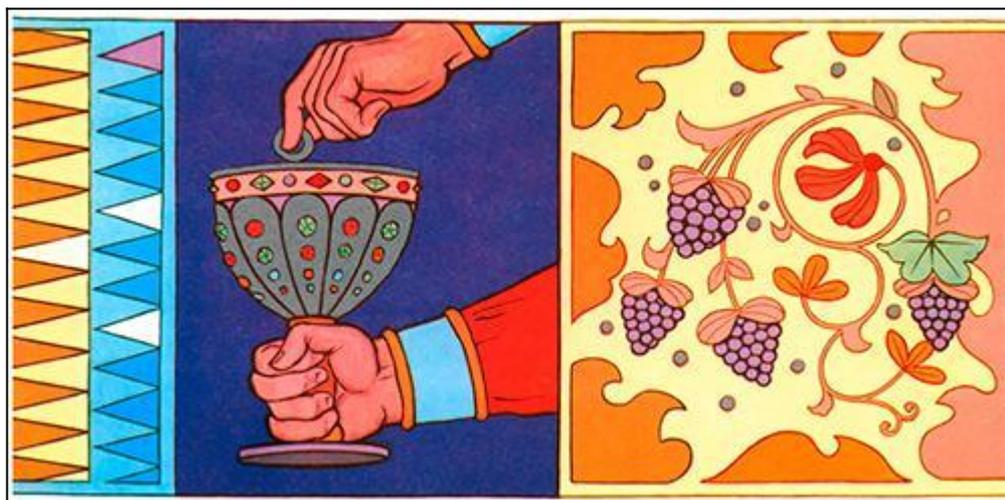
Та Настасья Микулична?
 Как говорит старушка таковы слова:
 — Да ай же ты, дитя мое милое!
 Твоя-то нынче есть молода жена,
 Молода жена да замуж пошла
 За того Алешу за Поповича.
 Как говорит Добрыня таково слово:
 — Да ах же ты, моя ль родна матушка!
 Поди-ка во погреба глубокие,
 Неси ты мне гусёлышки яровчаты.
 Я пойду к Алеше на почестный пир,
 На тую на свадебку великую.
 Как тут-то ведь старушка скорым-скоро
 Бежала как во погреба глубокие,
 Взимала там гусёлышки яровчаты,
 Идет она, старушка, подпирается,
 Подавает она Добрынюшке гусёлышки.
 Взимает тут Добрынюшка Никитинец
 А те-эти гуселки яровчаты,
 Сам скоро Добрынюшка справляется,
 А скоро молодёц наряжается
 Скорой малой смелой скоморошиной.
 Приходил Добрыня на почестный пир
 А на то столованьё на великое.
 Становился тут Добрыня ко порогу-то,
 Повел он по гусёлышкам яровчатым,
 Заиграл Добрыня по-уныльному,
 По-уныльному, по-умильному.
 Как все-то ведь уж князи и бояре-то
 А те-эти русийские богатыри,
 Как все они тут призаслушались.

Затем заиграл Добрыня по-весёлому,
 Стало красно солнышко при вёчере,
 А стал-то тут почестный пир при вёселе.
 Как все они тут да наедались,
 А все они затем тут да напивались,
 Стали тут они да пьянёшеньки,
 Игрat-то всё Добрыня по-весёлому.
 Как все они затем тут расказакались,
 Как все они затем ведь расплясались,
 А скачут-пляшут все промежy собой,
 А ничего они тут не ведают.
 Как говорит тут князь стольно-киевский:
 — Да ай же ты удалый добрый мóлодец!

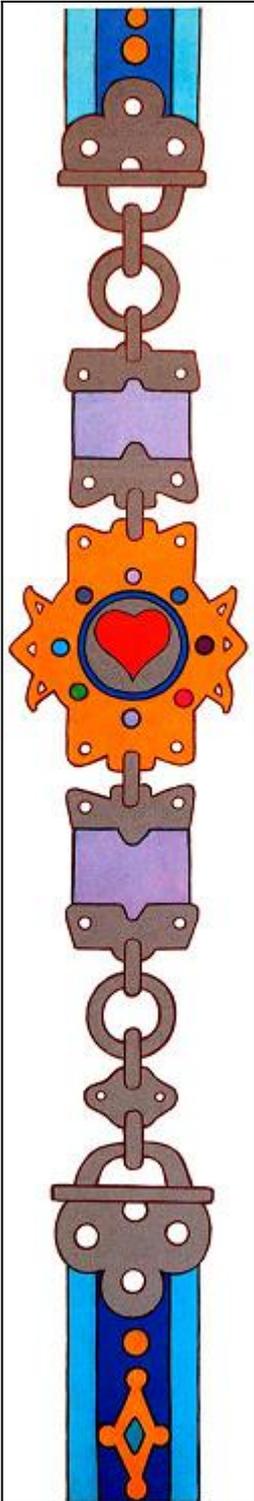
Не знаем мы тебе да ни имени,
 Не знаем мы тебе ни изотчины,
 Царь ли ты есть ли, царевич здесь?
 Аль король ты да ведь королевич есть?
 Али с тиха Дона ты донской казак?
 Аль грозный есть посол ляховитский?
 — Не царь-то я ведь, не царевич был.
 А не король-то я, не королевич был,
 Не есть с тиха Дона не донской казак,
 Не грозный я посол ляховитский,
 Как есть-то я из-за славна из-за синя моря
 А скоро мала смела скоморошина.
 Как князь-то тут ему воспроговорот:
 — Ах скоро мала смела скоморошина!
 А чем-то нам тебя буде жаловать
 А за эту игру за умильнюю?
 Города ль тебе надо с пригородками?
 Али села да надо с приселками?
 Аль много надо бессчетной золотой казны?
 Как он-то ведь на то им ответ держит:
 — Да ах же ты да князь стольно-киевский!
 Не надо мне городов с пригородками,
 Не надо мне сел-то с приселками,
 Не надо мне бессчетной золотой казны,
 А у меня своей есть дóлюби. А только вы мне позвольте-ка,
 Налейте мне-ка чару зелена вина.
 Как тут-то ему князь воспроговорот:
 — Скоро мала смела скоморошина!
 Что угодно надо, то мы сделаем.
 Как налили тут чару зелена вина,
 Подносят тут Добрынюшке Никитичу.

Как этот-то Добрынюшка Никитич-то,
 Опустил-то он туда свой злачен перстень,

Коим перстнём они обручались
Со той с Настасьей с Микуличной.
Подносит эту чашу княженицкую
А той да Настасье Микуличной,
Подносит, сам Добрынюшка спроговорит:
— Ай ты, Настасья Микулична!
А пей-ка ты чару зелена вина
От малой смелой скоморошины.
А пей-ка ты до дна — так увидить добра,
А не пьешь до дна — так не видать добра.
Она тут, Настасья Микулична, Маленько же она тут догадалася.
А не сколько пила, остатки наземь лила.
Как взглянет в эту чару княженицкую,
Ажно там лежит да злачен перстень.

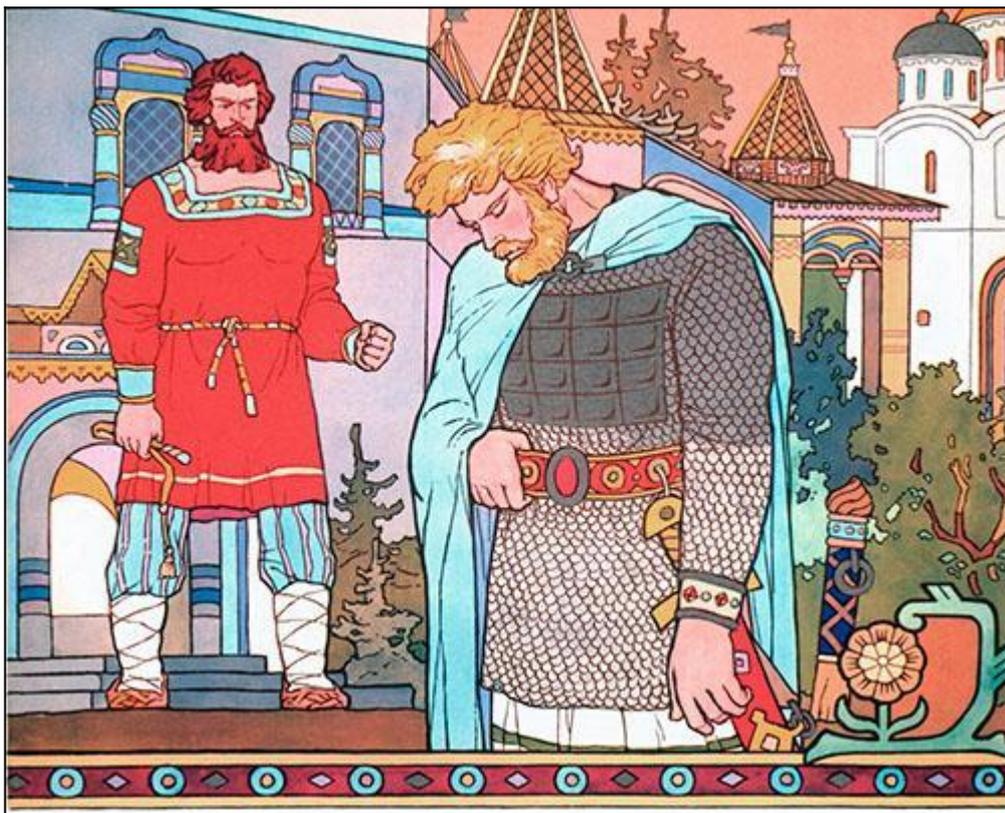

Как смотрит-то она на перстень тут,
А на перстне подпись подписана:
Этим перстнем они обручались
Со тем со Добрынюшкой с Никитичом.
Как тут-то да Настасья Микулична
А и выскакала из-за стола княженецкого,
Как говорит она тут таковы слова:
— Не тот-то ведь муж, кой подле меня,
А тот-то ведь муж, кой насупротив меня.
Кланяется Добрыне, поклоняется,
Сама она ему извиняется:

— Ай же ты, Добрынюшка Никитинец!
Исполнила я заповедь твою-то я,
А другую исполнила свою-то я,
А тогда ведь я тут замуж пошла
А за того Алешку за Поповича.
Как говорит Добрынюшка таковы слова:
— Да ай же Настасья ты Микулична!
Когда ты исполнила да заповедь свою,
За твою я заповедь тебе прощу.
Как тут затем Добрынюшка Никитинец,
Хватил-то он Алешу за желты кудри,
А выдернул с кармана плетъ шелковую,
Как начал он Алешу ею чествовать,
А начал он хлыстать ею Алешеньку,
А бьет-то он тут, хлыщет, выговариват:
— А каково, Алешка, тебе жениться здесь,
От живого мужа жену отлучать?

Как клянется Алешка, проклинается:
— А будет трижды проклят на веку тот,
Кто станет-будет эдак-то жениться,
От живого мужа жену отлучать!

Как со стыду, со страму со великого
А тут этот Алешенька Попович-то
Уехал он безвестно, не знают где.

